

Л.В.НИКИТИНСКИЙ

Я хочу выступить не как журналист, а просто как размышляющий человек, но я буду использовать свой журналистский опыт. Конечно, нас пугают те процессы, признаки которых мы уже видим, но сути и последствий которых еще не понимаем. С одной стороны, мы видим начала колоссальных миграций, мы сталкиваемся с «другими»: с одной стороны, арабы, с другой стороны, китайцы, тут чеченцы. Мы не обсуждаем: плохие они или хорошие, но они явно другие. С другой стороны идет глобализация, абсолютная информационная открытость мира, когда уже бессмысленно надевать какие-то маски и делать вид, что ты какой-то другой. Вот такой теперь мир: всё про всех всем понятно.

Эти тенденции только что начинаются. Правильно было сказано тут историками, что сейчас у нас нет достаточных инструментов, чтобы как-то это понять. Мы чуть-чуть что-то понимаем страшненькое, но не понимаем, как с этим обращаться. Мы еще не готовы к этому. Понятно, что мир становится очень резко другим. Но мы пока говорим о России, о том, о чем мы более-менее можем понимать.

Собственно, об этом я и хотел говорить, пытаясь держаться в рамках предложенной тематики: «Российский человек: факты и интерпретации». На самом деле, очень сложно говорить о фактах, потому что мы живем сегодня в России во все в более и более закрытом обществе.

Я полагаю: напрасно мы в прошлом оценивали по привычке положение российского человека в логической паре демократия-диктатура. Я думаю, что прав был Джордж Сорос, который противопоставляет тоталитаризму открытое общество. Мне кажется, более разумно говорить не о демократии, которая только обложка - сегодняшняя действительность в этом нас убеждает очень полноценно, - а говорить надо об открытом или закрытом обществе. Прежде всего, в смысле информации о фактах.

Как журналист я хорошо понимаю, что такое факты и знание о них. В новостях телевидения есть, например, десятка новостей – не больше, не меньше. Эти новости можно наполнить совершенно по-разному. Даже не надо врать, надо просто выбрать одни факты и не выбирать другие. И этого достаточно, чтобы создать некое информационное пространство. А дальше люди будут поступать исходя из этого созданного в новостях пространства, а не исходя из той реальности, которой оно соответствует больше или меньше.

Я немножко залезаю, оказывается, в прежнюю дискуссию (но я же в ней не участвовал) про мифы. На самом деле, миф – это коренное понятие. Потому что российский человек, как, наверное, и любой другой, поступает исходя не из реальности, а из того, что он считает реальностью. И так человек поступает всегда. Чтобы создать мотивацию, надо создать миф.

И сегодня, когда количество информации чудовищно и человек способен ориентироваться только через масс-медиа, вот они и создают миф путем просто выбора «десятки новостей». Не надо врать (еще раз повторяю), надо просто наполнить новости тем, чем хочется. Вот посмотрим телевизор – увидим: у нас по новостям Путин поехал в Кувалу-Лумпур, Путин почему-то приехал при этом в Грозный, и Путин сказал, что «Единая Россия» там-то столько-то выиграла голосов.

Это нам преподносится как факты. И какие выводы из этих фактов мы можем сделать, как мы можем их интерпретировать? А никак. Мы же не понимаем: зачем он поехал в Кувалу-Лумпур и что он делал в Грозном, и что он там сказал, еще важнее – что нам дали послушать, а что мы не услышали, чего он там сказал, и для чего?

Поэтому все это переходит в пласт мифа. И дальше начинаются уже интерпретации. А интерпретация – весть крайне опасная, особенно в России. Есть такие укорененные (с помощью и среди интеллигенции прежде всего) мифы, как то, например: целостность России. Вот нам говорят: «целостность России». Само название нашей господствующей партии «Единая Россия» на самом деле в себе содержит миф. Потому что мне приходится иногда ездить по России, заниматься какими-то расследованиями. Там появляются факты. Я совершенно определенно понимаю, что в каждом углу России сидит какая-то своя мафия, каждая по-своему ворует, каждая называется «Единая Россия» и каждая обеспечивает какими-то приисками очки этой «Единой России» на выборах. Но это единство ровно до тех пор, пока есть консенсус на счет этого воровства. Потому что на самом деле я думаю, что региональной эlite в Иркутске или в Хабаровске Москва сейчас совершенно не нужна. Она только высасывает какую-то средневековую дань и ничего не дает. Пока есть консенсус, что мы будем воровать, а вы нас не будете трогать, мы вам будем приписывать какую-то липу и отчитываться перед вами, – это все как-то держится. Серьезная попытка борьбы с коррупцией это сразу развалит.

На самом деле, по моему убеждению, власть захватили на местах некие неопределенные «силовики», назовем их так, как называет народ: менты. Мундиры у них самые разные: милиция, прокуратура, КГБ, ФСБ. Но реально эти люди сегодня контролируют вообще все, финансовые потоки от копеек до миллионов, бюджет, губернаторов. Россия – заложница этой новой орды, внутренней степи (по выражению кого-то из историков).

О каком единстве и целостности мы говорим? Я не очень понимаю. Но об этом мифе нам все время твердят. Единство, целостность, не смеите подрывать. Подрывать что? Еще есть государственность. У каждого государственника, который мне попадается, я всегда спрашиваю: что такое государственность? Что такое государство, тоже по разному можно ответить, по Марксу – одно, по Гоббсу – совершенно другое. Но там хотя бы понятно – про что. А что такое «государственность»? Точное определение мне дал только один – выпускник философского факультета, который потом ушел в политику, проворовался, но он философ. Он мне дал определение: «Это как раз то, что ты все время подрываешь». Ну, наверное, так.

Этими мифами про «государственность» на самом деле нас пытаются как бы утешить, это вместо тепла и хлеба. Народу же обидно, что он обнищал, и интеллигенции, если правомерно тут ее отделение от народа, тоже обидно. Есть проблема имущественного расслоения, есть такая простая и понятная вещь, как зависть. Это разъединяет, а надо объединить. И на эту тему нам подбрасывают, как говорил Михаил Сергеевич, традиционный миф о какой-то необъяснимой «государственности», мифической целостности и о каком-то врожденном величии российского человека. Нам морочат голову. А почему этот российский человек так велик? На самом деле человек велик как таковой, а вовсе не русский человек велик. Русский как раз, может быть, не так велик. Предшественники Михаила Сергеевича сильно пошипали генофонд русского человека, а Горбачев-то обидел ранее уже обиженных не им. С чего бы он был велик, когда лучше расстреляны и корни подрублены?

Все эти перепевы: православие, самодержавие, народность, все это очень старо. А уж то, что русская православная церковь, к сожалению, распространяет под видом православия, это даже не мифы, это часто просто бред преследования. Какая-то ярославская епархия совершенно официально начинает протестовать против бабы-яги: баба-яга разращает нашу русскую молодежь. Дискутировать с такими людьми по поводу христианства, мне кажется, вряд ли уместно. Потому что, если взрослый человек ловит бабу-ягу, то ему место в сумасшедшем доме, а не за каким-то дискуссионным столом. Но это у нас у нас считается православие.

Я могу об этом долго и подробно говорить. Но каков же выход? А выход, наверное, только в том, чтобы добиваться открытости всеми возможными способами. И на вызов власти – все закрывать, в том числе, например, бюджет, суды, так называемые правоохранительные органы, надо отвечать требованиями открытости. Реально я занимаюсь в основном судебной тематикой, но в суд я могу прийти далеко не всегда. Потому что суды закрыты и закрыты без всякого повода и не

по закону. Просто: мы не пустим никого, будем слушать в закрытом режиме. И там, за закрытыми дверьми, создается профанация правосудия. Но это вообще другая тема. А, если суммировать, то нет гласности, о чем говорил Михаил Сергеевич. Гласность – снова ключевое слово.

Я думаю беспомощные потуги власти все закрыть, ничего не рассказывать и не показывать просто смешны: не благодаря нам, а благодаря тому, что мир стал информационным и совершенно иным. Все это уже несовместимо с техническим прогрессом, не говоря про какие-то идеи. Поэтому победа все равно будет за открытостью, если мир останется в рамках европейской цивилизации. А, может, и не останется, тут мы возвращаемся к глобальным процессам, о которых не нам судить.

Здравомыслова О.М. Я думаю, что мы уже получили достаточно информации к размышлению по первому сюжету. И я предлагаю высказываться в свободном режиме. У нас есть одно, по крайней мере заявленное, выступление на эту тему. Я предоставляю слово Виктору Борисовичу Кувалдину (Горбачев-Фонд).